

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ

ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ О ФРЕСКАХ ФЕОФАНА ГРЕКА В МОСКВЕ

Высказывания о художественном творчестве, о деятельности прославленных живописцев редко встречаются в произведениях древнерусской литературы. В связи с этим особое место занимает фрагмент не сохранившегося целиком послания иеромонаха Епифания игумену тверского Спасо-Афанасьевского монастыря Кириллу. Отрывок этот чудом уцелел в рукописном сборнике из Анзерского скита Соловецкого монастыря. По содержанию он выпадает из состава сборника, включающего выдержки различного характера, географические и астрономические сочинения, переписанные в XVII и XVIII вв.¹

Автор послания — ученый агиограф, составитель житий Сергия Радонежского и Стефана Пермского².

Известие о Феофане появилось на свет благодаря просьбе игумена Кирилла рассказать о происхождении четырех необычных миниатюр с изображением константинопольского храма Софии, которые он увидел в Евангелии, переписанном Епифанием. Кирилл заметил эти рисунки, когда просматривал книги, увезенные Епифанием в Тверь во время нашего шествия Едигея на Москву³. Миниатюры оказались епифаниевскими копиями с ориги-

¹ См. И. Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, Н. Ф. Красносельцев. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. II. Казань, 1883, стр. 577—580. Отрывок послания Кириллу впервые был опубликован с сокращениями в «Православном собеседнике» (1863, ноябрь, т. III, стр. 321—328). Затем он был полностью напечатан архимандритом Леонидом: ППС, т. V, вып. III, 1887, стр. 3—6. Следующая публикация принадлежала И. Э. Грабарю: «Феофан Грек». — «Казанский музейный вестник», 1922, № 1, стр. 5—6. Текст отрывка был вновь сверен с подлинником. Перепечатано в книге: И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве. М., 1966, стр. 78—82 (цитаты из послания Кириллу даю по этому изданию. Перевод мой). После этого отрывок публиковался в следующих изданиях: «Мастера искусства об искусстве», т. IV. М. — Л., 1937, стр. 15—17; перепечатано в книге: «Мастера искусства об искусстве», т. VI. М., 1969, стр. 26—30; А. А. Строков и В. А. Богусевич. Новгород Великий. Л., 1939, стр. 108—110; В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа. М., 1961, стр. 113—114.

² Авторство Епифания убедительно обосновано в статье: А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл Тверской и Епифаний «Московский»). — ИОРЯС, т. XX XI, 1926, стр. 159—176. За последние годы появился ряд исследований, где рассматриваются различные стороны деятельности Епифания. См., например: В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб (к вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского»). — ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 145—158; О. Ф. Коналова. К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV в. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 205—211; А. В. Соловьев. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великаго князя Дмитрия Ивановича, царя русьскаго». — ТОДРЛ, т. XVII, 1961, стр. 85—106; О. А. Белоброва. О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках. — ТОДРЛ, т. XX II, 1966, стр. 91—100.

³ Согласно Софийской второй летописи, войска Едигея подошли к Москве 26 ноября 1408 г. (Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ), т. VI. СПб., 1853, стр. 153); по Тверскому сборнику — 30 ноября (ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стр. 483).

нала, исполненного Феофаном Греком. Об этом случае Кирилл вспомнил шесть лет спустя, а еще через год, т. е. в 1415 г., Епифаний составил ответное послание, отрывок которого дошел до нас.

Факты, изложенные в послании, относятся к московскому периоду творчества живописца. О работах Феофана в других городах Епифаний бегло упоминает⁴; возможно, он знал о них только понаслышке.

Сведения о деятельности Феофана Грека в Москве содержатся в ряде летописей. 4 июня 1395 г. «Феофан иконник, Гръчин философ да Семен Черный и ученици их»⁵ по заказу вдовы Дмитрия Донского Евдокии⁶ приступили к росписи каменного храма Рождества Богородицы с приделом Лазаря в московском Кремле, на дворе великой княгини. Роспись эта не сохранилась. Не дошла до нас и следующая московская работа Феофана — стенопись первоначального кремлевского Архангельского собора. Архангельские фрески Феофан выполнял с учениками, видимо, без участия Семена Черного летом 1399 г.⁷

Как сообщает послание Епифания, Феофан «в Михайле святом на стене написа град, во градце шаровидно подробну написавый; у князя Владимира Андреевича в камене стене саму Москву такоже написавый ...»⁸.

Выражение «у князя Владимира Андреевича в камене стене» вызвало споры среди историков искусства. В. Н. Лазарев видел в этом сообщении указание на роспись Феофаном дворца серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича Храброго⁹. В. И. Антонова утверждала, что каменного дворца в Москве у князя Владимира Андреевича не было. Слова Епифания она относил к трапезной церкви Зачатия Анны в Серпухове¹⁰.

Несмотря на то, что в послании соседнее предложение содержит аналогичную форму, но с другим предлогом («в Михайле святом на стене написа град»), исследователи не придали значения предлогу «в» и перевели это предложение как «на стене». Между тем, если внимательно прочесть указанный отрывок, основания для спора отпадут. Предлог «в» говорит о

⁴ «Понеж егда живях на Москве, идеже быше тамо муж он живой, преславный мудрок, зело философ хитр, Феофан, гречин, книги изограф нарочитый и живописецъ изящный во иконописцех, иже многи различные многае четверодесятчиленных церквей каменных своєю подписал рукою, яж по градом, елико в Константине граде и в Халкидоне, и в Галафе, и в Кафе, и в велицем Новогороде, и в Нижнем. Но на Москве три церкви подписаны: Благовещения святыя Богородицы, Михайло святой, одну ж на Москве» (*И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве*, стр. 78).

⁵ См. *М. Д. Приселков. Троицкая летопись*. М.—Л., 1950, стр. 445; Московский летописный свод конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 222); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859, стр. 65); Пискаревский летописец (ГБЛ, ф. 228, № 176, л. 398); Румянцевский летописец (ГБЛ, ф. 256, № 255, л. 86). В трех последних источниках начало работы датировано 14 июня. Это же сообщение, но без добавления об учениках Феофана Грека и Семена Черного, содержат: Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 134); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, стр. 211); Софийская вторая летопись (ПСРЛ, т. VI. СПб. 1853, стр. 124); Летописный свод 1497 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 87); Летописный свод 1518 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 251); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, стр. 157); Софийский временник (ч. I. М., 1820, стр. 405).

⁶ Об этом сообщает Книга степенная царского родословия (ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913, стр. 408).

⁷ Троицкая летопись (стр. 450); Московский летописный свод конца XV в. (стр. 229); Воскресенская летопись (стр. 72); Пискаревский летописец (л. 418); Румянцевский летописец (л. 105—105 об.). То же сообщение, но без упоминания об учениках Феофана Грека содержат: Ермолинская летопись (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 137); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 219); Летописный свод 1497 г. (стр. 89); Летописный свод 1518 г. (стр. 253); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XI, стр. 172); Софийский временник (ч. I, стр. 423).

⁸ *И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве*, стр. 78.

⁹ *В. Н. Лазарев. Феофан Грек и его школа*, стр. 13, 70.

¹⁰ *В. И. Антонова. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове.* — «Материалы и сообщения Гос. Третьяковской галереи», т. II, М., 1958, стр. 26—27.

том, что слово «стена» во втором случае имеет утраченное ныне значение «денежная кладовая», «казна»¹¹.

Известно, что княжеская казна, где хранились драгоценности, помещалась обычно в каменных храмах. Например, казна Софьи Фоминичны находилась в подклете церкви Рождества Иоанна Предтечи, казна Ивана III — в церкви Рождества Богородицы¹². Известно и о том, что казна украшалась росписью. Так, под 1483 г. летописец сообщает: «Того же лета разруши князь велики Благовещенье на своем дворе, подписаную толко по казну и по подклет, и заложил казну около того подклета и полату кирпичну с казнами»¹³.

Поскольку разбираемый отрывок послания следует непосредственно за сообщением о росписи Михайловского собора и грамматически отчетливо не выделен, можно предположить, что казна Владимира Андреевича помещалась при этом храме или где-то поблизости, например на территории княжеского двора, находившегося за Архангельским собором, на горе, за домами соборян, по направлению к Тайницким воротам¹⁴.

Итак, возможный перевод этого отрывка: Феофан «в Святом Михаиле на стене написал город за стенами, окруженный пригородом»¹⁵, с подробностями написал красками; у князя Владимира Андреевича в каменной казне саму Москву так же написал».

«Терем у князя великого невиданной росписью и с неведомой красотой расписал»¹⁶, продолжает Епифаний. Между тем каменного терема в Москве не было в то время и у великого князя¹⁷.

Если слово «терем» понимать буквально¹⁸, то придется допустить, что Феофан украшал живописью деревянный дворец Василия Дмитриевича. Такое предположение¹⁹ не лишено оснований. О том, что живописные украшения каменных светских построек существовали еще в домонгольский период, известно по найденным при раскопках дворцовых строений в Киеве обломкам мозаики и фресок²⁰. Но вот украшались ли живописью постройки деревянные? И на этот вопрос можно ответить утвердительно. Живописные украшения светских деревянных построек бытовали еще в домонгольское время. Так, в учительном слове XII в. среди обличений богатых содержится упрек: «Ты, живя в дому, повалуши расписал, а убогий не знает, где голову приклонить»²¹ (поволушами или повалишами называли спальни).

¹¹ См. *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, стр. 588.

¹² *Н. А. Сворцов*. Археология и топография Москвы, М., 1913, стр. 421, 469.

¹³ Софийская вторая летопись (стр. 235).

¹⁴ *Н. А. Сворцов*. Археология и топография Москвы, стр. 187, 188, 413.

¹⁵ «Град во градце» — по-видимому, укрепленное поселение, обнесенное стеной и окруженное невысокими постройками посада и пригородных сел.

¹⁶ «Терем у князя великого незнаемую подписью и страннолепно подписаны» (*И. Э. Грабарь*. О древнерусском искусстве, стр. 78).

¹⁷ Первые каменные палаты появились в Кремле в середине XV в. («История Москвы», т. 1, М., 1952, стр. 67). Впрочем, утверждения об отсутствии светских каменных построек в Кремле до середины XV в., опирающиеся на результаты случайных наблюдений во время земляных работ и на косвенные данные летописных источников, нуждаются в тщательной археологической проверке.

¹⁸ Слово «терем» имело несколько значений (см. *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря..., т. III, стр. 950—951). Во-первых, «высокий дом, дворец», во-вторых, — «купол», в-третьих, — «ризница» (?), наконец, в-четвертых, — «сень, балдахин». Такой перевод представляется мне наиболее правдоподобным, если отвергнуть возможность росписи Феофаном каменного или деревянного дворца Василия Дмитриевича. В этом случае Епифаний говорит о каком-то не дошедшем до нас украшенном живописью навесе над великокняжеским тронем. Представление о подобном навесе дает так называемое «царское место» Ивана Грозного 1551 г. в Успенском соборе Кремля.

¹⁹ Оно выдвигалось, например, в указанной выше (см. прим. 10) статье В. И. Антоновой (стр. 26).

²⁰ «История культуры Древней Руси», т. II, М., 1951, стр. 258.

²¹ Отрывок дан в моем переводе. Древнерусский текст см. ИОРЯС, т. X, вып. 7, 1863, стр. 550.

В русских былинах неоднократно встречаются указания, что стены и потолки теремов расписывались²². Вот обычное былинное описание внутренней росписи «златоверхих» теремов:

*«На небе солнце — и в тереме солнце,
На небе месяц — и в тереме месяц,
На небе звезды — и в тереме звезды,
На небе зори — и в тереме зори;
Все в терему по-небесному»²³.*

Можно полагать, что украшение теремов знати изображениями солнца, луны и звезд было обычным делом. Епифаний акцентирует не самый факт росписи терема, а то, что роспись была «невиданной» и «неведомой» по красоте. А. Д. Седельников рассматривал выражение «незнаемую подписью и страннoleпно» как своеобразный словесный штамп, характерный для Епифания Премудрого и окружающей его литературной среды²⁴. Наблюдение исследователя служит одним из аргументов в пользу авторства Епифания, но ни в какой мере не подвергает сомнению смысл епифаниевской характеристики росписи великокняжеского терема. Поэтому можно рассматривать эту характеристику как намек на необычность и новизну сюжетов росписи. Не исключено, например, что Феофан прибегнул здесь к аллегориям.

Следом за упоминанием о росписи великокняжеского терема Епифаний говорит об участии Феофана в создании росписи Благовещенского собора Кремля. Летописец под 1405 г. сообщает: «Тое же весны почаша подписывати церковь каменую святое Благовещение на князя великаго дворе, не ту, иже ныне стоит, а мастера бяху Феофан иконник Грьчин да Прохор старец с Городца, да чернец Андрей Рублев, да того же лета и кончаша ю»²⁵. Послание Епифания уточняет, что в Благовещенском соборе Феофан написал только две композиции — «Корень Иессеев» и «Апокалипсис»²⁶.

Из сообщений летописей и письма Епифания можно заключить, что в Москве Феофан создал сравнительно немного фресок. Однако имя его в летописных известиях неизменно стоит на первом месте среди имен сотрудничавших с ним живописцев, в чем можно усматривать указание на руководящую роль Феофана в этих работах.

Трудно сказать, прибыл Феофан в Москву в 1395 г. или это случилось несколько ранее. Думается, однако, что одним из инициаторов приглашения художника был Кириан, пользовавшийся большим авторитетом у великого князя Василия Дмитриевича и его матери, княгини Евдокии. Во всяком случае, даты известных нам московских работ Феофана Грека не выходят за хронологические пределы правления митрополита Кириана (занимал московский митрополичий престол с 1390 по 1406 г.).

²² Сведения о таких росписях собраны в исследовании: С. Шамбинаго. Древнерусское жилище по былинам (К материалам для исследования бытовой стороны русского эпоса). Сб. в честь В. Ф. Миллера. («Труды этнографического отдела», т. XIV). М., 1900, стр. 142—144.

²³ «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. I. М., 1861, стр. 263; ср. стр. 363, 372 и др.

²⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века, стр. 173.

²⁵ Троицкая летопись (стр. 459). Это известие было включено М. Д. Приселковым в реконструированный им текст Троицкой летописи по ошибке (см. М. Н. Тихомиров. Андрей Рублев и его эпоха. В кн.: М. Н. Тихомиров. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968, стр. 210). О росписи Благовещенского собора сообщают также (но не называя художников): Московский летописный свод конца XV в. (стр. 233); Пискаревский летописец (л. 432 об.); Румянцевский летописец (л. 131 об.). Фрески погибли при перестройке храма в конце XV в.

²⁶ «...И в каменной церкви во святом Благовещении корен Иессеев и Апокалипсий также исписавый» (И. Э. Грабарь. О древнерусском искусстве, стр. 78).

Высказывалось предположение, что по заказу княгини Евдокии Феофан Грек с помощниками мог выполнить роспись Успенского собора в Коломне ²⁷. Однако едва ли этот факт остался бы неизвестным Епифанию. Между тем из русских городов, где Феофан расписывал церкви, в послании Кириллу названы только Великий Новгород, Нижний и Москва ²⁸. Упомянув о росписи храма в Коломне, не называют имени Феофана и московские летописи ²⁹, где, в отличие от летописей новгородских, участие Феофана в украшении местных церквей неизменно отмечалось как выдающееся событие.

Молчание древних новгородских летописцев о Феофане Греке ³⁰ можно объяснить, с одной стороны, тем, что во второй половине XIV в. в Новгороде трудилось много приезжих византийских и южнославянских живописцев, и работа Феофана не казалась чем-то исключительным, достойным упоминания в летописи; с другой стороны, Феофан в те годы, вероятно, еще не обладал такой известностью, как в конце XIV — начале XV в., когда работал в Москве, где имя его могло быть использовано в целях прославления Москвы как патриотически настроенным княжеским летописцем, так и летописцем грекофила митрополита Киприана.

²⁷ В. И. Антонова. О Феофане Греке в Коломне, Переславле-Залесском и Серпухове, стр. 14—15.

²⁸ См. выше, прим. 4.

²⁹ Сообщение о том, что в 1392 г. «подписана бысть на Коломне церковь камена Успение Богородици», содержат: Воскресенская летопись (стр. 62); Пискаревский летописец (л. 392 об.).

³⁰ Единственное упоминание о росписи Феофаном церкви Спаса Преображения на Ильине улице сохранилось в позднейшей Новгородской третьей летописи (ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 231). При этом составитель ее, трудившийся во второй половине XVII в., не заимствовал это сообщение из более древней летописи, а скопировал ктиторскую запись, еще существовавшую в его время на стене храма (см. М. К. Каргер. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. — ТОДРЛ, т. XIV, 1958, стр. 566).